

Ослепительный луч света — танец

На снимке: работает Тамара Витыня.

Фото О. Мартинсона.

В классическом балете существует термин «апломб», которым обозначают умение танцовщика при минимальных затратах усилий сохранять устойчивость, стройность и изящество в любой позе, в любом движении. Именно это качество бывшая балерина, а ныне педагог и хореограф Тамара Витыня демонстрировала с завидной стабильностью в своих сценических работах, а теперь — воспитывает в своих учениках.

В балете мы часто встречаемся с творческой интеллигенцией первого поколения. И это закономерно, что одаренные дети из рабочих и крестьянских семей стремятся в искусство, в балет. Но есть и другая закономерность, когда дети артистов идут по стопам своих родителей. В родословной Тамары Витыни безраздельно царит музыка. Ее мать, выпускница Ленинградской консерватории, — пианистка. Отец — не только дипломированный юрист, но и студент той же самой консерватории по классам виолончели и композиции. И оба деда — музыканты: один, в Ирлавской семинарии, участник первых латышских Праздников песни, второй — придворный музыкант Петербургского двора...

Этот «звон предков» еще более усилили годы учебы в студии Александры Федоровой, работа в ансамбле искусств Латвийской ССР в годы Великой Отечественной войны и, наконец, стажировка в Большом театре у знаменитого педагога Марии Кожуховой.

Сцена безжалостна к солистке балета, но как бы в компенсацию остаются в памяти благодарных зрителей образы прекрасных, обольстительных, гордых женщин. В конце 40-х — начале 50-х годов Т. Витыня — прима-балерина в характерных танцах. Училище — это второе рождение танцовщицы, ее возвращение в юность. Тридцать семь лет педагогического труда. В балетном училище трудно приписать блестящий успех только одному педагогу. И не нужно. Но когда Инесе Думпе, еще школьницей, со своей серебряной медалью, полученной на конкурсе в Варне, после триумфа устремилась прямо к Тамаре Витыне, или когда Марис Лиена на торжествах в честь открытия нового здания хореографического училища все свои цветы отдал также Т. Витыне, это можно считать и персональной благодарностью ей лично, и коллективным «спасибо» всем преподавателям Рижского хорео-

графического училища.

Тамара Витыня ко всем бытовым, педагогическим, художественным явлениям подходит с трезвой, рациональной меркой. Она часто бывает безжалостна. Она — за ясность, а не за уклончивость. За откровенность — не за двуличие. За побуждение к работе — не за лесть и захваливание. За выдержку, а не за «безбрежность» чувств — от улыбок до слез. Несколько

лет назад ей после смерти матери пришлось работать над выпускными концертами в училище, и она, стиснув зубы, работала, как всегда, не допуская, чтобы личная боль отразилась на результатах труда. И работа помогла успокоить, смягчить боль, заглушить чувство одиночества.

Ее критика часто бывает жгучей. Какую-нибудь ненужную, вредную тенденцию в танце ученика она умеет своим показом довести до абсурда, обнажая тем самым сущность этой тенденции. Так легко нажить себе врагов и уж во всяком случае недоброжелателей. И все-таки, несмотря на «занозистость», она любит танец и танцовщиков цельной, никогда не устающей любовью. Ее нежность, лирика, верность танцу нашли свое единственное, истинно витыньское воплощение в ее работе хореографа. Среди ее постановок хореографические миниатюры, танцы, одноактные балеты и созданный по ее инициативе трехактный балет «Золото инков».

На фоне не очень большого вклада наших хореографов в создание камерных произведений работы Т. Витыни выделяются своими поисками лирико-романтического идеала. Ее палитре чужды густые, резкие мазки. Здесь доминирует акварельная прозрачность, легкость, чистота. И в каждой из ее миниатюр звучит светлый гимн в честь хрупкой, одухотворенной женственности. Будут ли это инкские девушки, жрицы Солнца, как будто тающие в его утренних лучах, или уничтоженная фашистским кулаком «Девушка с номером», или нимфа, убегающая от фавна, или Хлоя, замирающая от любви в руках Дафниса, или грациозные, хрупкие девушки «Моцартианы», или импрессионистское видение в «Гавоте», или предвесенняя чистота «Адажио» Марчелло — везде и всюду танец органически сливается с музыкой, торжествует тонкое чувство стиля. Постановщице нигде не изменяет хороший вкус. Многие создания Т. Витыни вышли на большую сцену, переросли рамки чисто учебных работ.

Каждую весну, заканчивая очередной учебный год, она дает себе слово хотя бы годик отдохнуть, но к осени снова попадает в сети прекрасной музыки и, не в силах освободиться от этих сетей, вновь начинает работу и вновь открывает свою душу ослепительному лучу света — танцу.

Э. Тивумс.